

...Но приёмщик столкнул чемоданы тяжелые на пол,
И надежда последняя вздрогнула стрелкой весов.
Я в отчаянье был. Я от горечи чуть не заплакал:
До чего ж человек в бессердечье бывает весом!..
Мои щёки цвели то лиловым, то бледным румянцем.
Джинсоватый с ухмылкой всё время в мой адрес косил:
Жертва западных мод — он отменно учтив к иностранцам.
И ему наплевать, что о помощи я попросил...
Нет! В народе не зря говорят про такую примету:
«Прохиндея видать за версту, если он прохиндей...»
Вдруг подходит ко мне человек, побродивший по свету,
Повидавший за жизнь бедолаг и фартовых людей...
«Что унылый, земляк? Вижу, вместе в Сибирь улетаем?
Иль с невестой московской серьёзный случился разлад?»
— Что ты, друг! Я женат!.. Звёзд чужих, извини, не хватаем!
Рад бы в рай погостить, да земные грехи не велят.
И к тому же багаж мой никто без доплаты не грузит.
А в порту, как назло, ни единой знакомой души!..
Вон дежурный-приёмщик, гляди, как глаза свои узит!..
А билет пропадёт — полечу на какие шиши?!
«Не горюй, сибиряк! Кто горел, тот в беде не бросает!»
Сгрёб багаж мой — и прямо к контрольным весам.
А оттуда навстречу метнулась ухмылка косяя,
Заплескалась в глазах, растекаясь по рыжим усам.
«Слышишь, друг! Не томи! Оформляй-ка ты нас поскорее!
Буквоед ты, однако, каких не видал я, прости!
Парень книги везёт — мировую, сказать, эпопею.
Разве Пушкин с Толстым в наше время уже не в чести?!»
...Джинсоватый обвёл нас своим снисходительным взглядом,
Хмыкнул что-то в усы и забрал «злополучную» кладь...
А земляк мой случайный со мною стоял уже рядом —
Свою щедрую душу готовый любому отдать.
Как геологи все, был земляк мой немного сутулый,
Рябоватый лицом — для мужчин этот штрих не беда,
Голубые глаза, от ветров посмуглевшие скулы
И добавлю еще — в пол-лица у него борода.
...Я душою светлел, когда шли мы по взлётному полю.
Мой попутчик шутил о курьёзах, случавшихся с ним...
А вокруг всё цвело, ликовало и славило волю,
И сиял самолет, глядя в небо на солнечный нимб.

СЫНОК

Любимому Серёженьке

Немало, сынок, у нас было поездок¹
В Челябинск... Иркутск... Петербург... Бухарест —

¹Поездок — в детские годы сына мы много ездили и даже были в столице Румынии.

И в каждой остался заветный отрезок —
Длиною в мечту от насиженных мест.
...А сколько восторга в глазах твоих было,
Когда посещали мы те города?!
Казалось, и солнце там ярче светило,
И мир тебе дивным казался тогда.
...Ты вырос — и сам стал главою семейства, —
С любимой женой подарив нам внучка.
Но свято храним мы от каждого рейса
Ту память, что время не стёрло пока.

Владимиру Скифу

Одно касание с землею нас роднит: Горят на «взлёт» сигнальные огни. Сначала шум нам слышится в ушах — И высотой полнится душа...	А там, внизу, на пойменных лугах, Сохатый держит небо на рогах. ...Пусть дальний рейс немного укачал, Но нас внизу Иркутск уже встречал. По трапу сходим, словно захмелев, Поверив в сказку неба на земле.
Вот облака, как стаи лебедей, Заворожили взоры у людей...	

* * *

Блехману Григорию Исааковичу

Что может быть дороже жизни — В гостях у жизни у самой, Когда с рожденья и до тризны Нам уготован путь земной?..	И мир такой необъяснимый! И жизнь кипящая во всём!— Где каждый миг неповторимый Мы с божьим промыслом несём.
---	---

В июне

Благостно по-летнему в Отчизне:
Вновь земля божественно мила —
Каждый листик радуется жизни,
Каждая былинка расцвела.

...Человек, уставший от ненастья,
Долгих зим и от житейских бурь, —
Душу распахнул свою для счастья,
На лице разглаживая хмурь...

Улыбнулся незнакомым встречным,
Светлым чувством наполняясь сам.
И, заботам покоряясь вечным,
Сверил день по солнечным часам.

Степь

Сколько красок в палитре степной?!
Как пьянит разнотравием воздух?! —
Потому я шагаю хмельной,
Раздвигая ковыльскую воду.
...И от радости громко пою:
На семь вёрст здесь никто не услышит.

Ничего от степи не таю —
Под ее голубеющей крышей...
В сердце звонкая песня звучит.
...А вверху, высоко надо мною,
Белым лебедем солнце степное,
Словно перья, роняет лучи.

Родниковый мед

Юрию Дмитриевичу Макитруку

На даче Юрий Макитрук,
Как в горнице окно:
Он нас от жажды и от мук
Избавил здесь давно.

Колодец вырыл глубиной
До родниковых вод —
И каждый день нам в летний зной
Он воду раздаёт:

«Берите, пейте от души!
Для вас моя вода! —
На ней соленья хороши
И сладок чай всегда.

...Скажу вам больше, что окрест
Вкусней напитка нет:

По полведра в один присест
С похмелья пьёт поэт.

А он в напитках знает суть:
Ведь он поэт седой.
И он сказал, что пиво — муть,
Сравнив с моей водой.

Она певуча, как стихи,
Как первый вешний гром,
И, как серёжки у ольхи,
Сверкает серебром...

Водой насытившись, душа
От радости поет.
Берите, пейте из ковша
Мой родниковый Мед!»

В страду

Вновь на селе забыли люди роздых:
С июльским зноем подошла страда.
На диких травах настоялся воздух,
И сеном пахнет в родниках вода...

И лишь в окошках свет зари забрезжит,
Шумнёт пастух — и только был таков.
А кто заспит, собаки тем набрешут,
Что мужики ушли до петухов...

А в полдень бабы, позахлопнув ставни,
Несут обед да пиво для косцов
И ловят взглядом в буйном разнотравье
С отцами увязавшихся мальцов...

А мужики поглощены работой,
Но, жён своих узрев издалека,
Неторопливо, вроде с неохотой,
К ним подаются в тень березняка.

...И, отобедав там с домашним пивом,
Глядят на жён уже повеселей.
Иной косец щипнёт свою шутиливо,
А та ему: «Да ну вас, кобелей!»

И мужики, стряхнув с себя усталость,
Уйдут вершить зароды дотемна.
В деревне только немощная старость
От жарких дел в страду отстранена...

Погаснет день. Осядут в травах тени.
Дохнёт прохладой сумрак от реки.
Речные ивы, замочив колени,
Уронят в воду пыльные платки.

...И мужики, уж затемно шагая
Тропинкою меж зреющих овсов,
Несут устало дрёму Иван-чая
Да на руках уснувших сорванцов.

Леся

Задремало село в ночи.
День в заботах померк давно.
Даже в клубе гармонь молчит:
Нынче Фёдор устал, должно...

Тридцать вёрст до него езды.
Мнут копыта седой ковыль.
Следом луч от степной звезды
Серебрит голубую пыль...

Из седла не окинешь степь.
Хуторок тот и впрямь пропал.
Он всего-то на восемь стен
И полынью насквозь пропах.

Вот мигнул огонёк в степи,
Свет в окошках всю ночь не мерк.
Это Леся моя не спит —
Обещал: «Прискачу в четверг...»

День рожденья гармониста

Наш Степан гармонист загулял —
Золотой юбилей он справлял.
...Клуб закрыт, и закрыт сельсовет:
Все к Степану спешат на обед.
На столах разносолов не счесть.
Выпил чарку — и есть чем заесть...
Расплескалось веселье вокруг
От гармонии, зовущей на круг.
Даже бабки — Степана родня, —
Подбоченясь, поют у плетня:
«Я младою задорной была,
Самой первой плясуньей слыла.
Выйду в пляс — крикну — шире края!
Ох ты, хонька-махонька² моя!»
...Трое суток село ходуном —
Пьют и пляшут — согреты вином
Праздник душу Степана объял,
Широко он, по-русски гулял —
У гармонии осипли меха,
Женщин чуть не довёл до греха:
Каждой словно подлил кипятка, —
Не смолкает лихой топоток.
Пыль столбом — и как бубен земля.
А Степан выдаёт кренделя!..
...Дед Егорий, Степана хваля,
Пел на дудке, народ веселя.

²Хонька-махонька — диалектное выражение, под которое на Южном Урале часто исполняют плясовые песни.

Сам приплясывал музыке в такт, —
Видно, раньше плясать был мастак:
Глянь, как ходит под дедом скамья!
«Ох ты, хонька-махонька моя!»
Даже эхо, в округе звеня,
Поохрипло за эти три дня.
...Покидая веселия круг,
Все остынут не враз и не вдруг:
Есть у праздников мера своя.
«Ох ты, хонька-махонька моя!»

У камина

Люблю сумёрничать в ненастье,
Когда с грозой бушует дождь.
Тебе никто не скажет: «Здрасьте!»
И никого ты сам не ждёшь.

...Но в этом смысл есть великий —
С душой побыть накоротке...
Мерцают огненные блики
Гвозд́иками на потолке...

Всё — суета и быстротечность,
И только мир самой души,
Познавшей яркий миг и вечность,
Очистит нас от зла и лжи...

Гудят камин и непогода —
И ты один меж гневных муз.
...Душа в согласии с Природой
С себя отряхивает груз.